

ПЫРМА Роман Васильевич — кандидат политических наук, доцент департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49; pyrma@mail.ru)

КОНЦЕПЦИИ ГРАЖДАНСКОГО АКТИВИЗМА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ КОММУНИКАЦИЙ

Аннотация. Автор рассматривает изменение подходов к анализу общественных изменений, происходящих под влиянием цифровых технологий коммуникации. В статье представлены основные современные концепции гражданского активизма, проявляемого в цифровой среде. Концепция слактивизма отражает негативные проявления эффектов цифрового воздействия на гражданскую активность, ведущих к эрозии социального капитала. Концепция власти коммуникаций раскрывает институциональную организацию сетевых сообществ и социальных движений, действующих в соответствии с установленными правилами и иерархией. Концепция связующего действия сосредоточена на самоорганизации, координации и мобилизации сообществ пользователей цифровых коммуникаций для достижения общих ценностей и интересов. Концепция цифрового участия обосновывает полноценность форм гражданского онлайн-активизма, ведущих к наращиванию социального взаимодействия в офлайне. Данный неисчерпывающий перечень концепций гражданского активизма создает общее представление о разнообразии научных подходов к рассмотрению стремительно меняющихся общественных отношений, опосредованных цифровыми коммуникациями.

Ключевые слова: гражданский активизм, цифровые коммуникации, социальные сети, гражданское участие, политическое участие.

Цифровая трансформация общества

Глобальная цифровая трансформация, вызванная технологическими изменениями, порождает новые общественные явления и отношения. Одним из важнейших общественных изменений в последнее десятилетие стало реформирование гражданской и политической активности. Растущее число исследователей вслед за Р. Патнэмом отмечали очевидное снижение активности гражданского участия, выраженное в размывании социального капитала, что несло негативные последствия для устоявшихся демократий [Putnam 1995; 2001]. Однако с течением времени Р. Далтон поставил под сомнение доминирующее положение о деградации гражданского участия, исходя из того что в предшествующих исследованиях были ошибочно определены источники и последствия общественных изменений. Он выдвинул противоположную гипотезу, что нормы гражданского участия переходят от модели основанного на долге гражданства к модели активного гражданства. При этом сдвиг нормы не разрушает участие, а меняет и расширяет модели политического участия граждан [Dalton 2008]. К тому же молодое поколение создает новые нормы гражданства, которые ведут к росту и разнообразию гражданской активности и, как следствие, к возрождению демократического участия [Dalton 2015].

Согласно утверждениям авторов ряда исследований, новый активизм завершающего десятилетия качественно отличается по своему характеру от десятилетия нулевых годов текущего века. Интенсивность и частота гражданских и политических действий резко возросли. Формы гражданской активности в современном мире претерпевают кардинальные изменения. Взаимодействие старых и новых форм гражданской активности порождает разнообразие и яркие метаморфозы. Активисты развивают новый тип гражданского движения, применяя инновационные формы прямых действий и зачастую работая без лидеров или даже каких-либо четко определенных целей. По мнению Р. Янгса,

нарастающая активность имеет важные последствия для отношений между гражданами, политическими институтами, гражданским обществом и государством при необходимости защиты гражданского пространства в сочетании с новыми возможностями для расширения участия граждан и переосмысления демократии [Youngs 2019].

Под гражданским активизмом обычно понимаются инициативные действия, прямые или косвенные усилия граждан для решения социальных, политических, экономических, экологических проблем. В последние годы много внимания уделяется появлению «интернет-активизма», но ученые и эксперты расходятся во мнениях о том, отличается ли онлайн-политическая деятельность от более традиционных форм активизма. Они пытаются ответить на исследовательский вопрос, какое влияние оказывают глобальный охват и стремительная скорость Интернета на сущностный характер, динамику гражданской активности и онлайн-политического протеста [Earl, Kimport 2011].

Концепция слактивизма

Переход технологий коммуникаций на интерактивные платформы социальных медиа открыл новые возможности для организации социального взаимодействия, гражданского участия и политической мобилизации. Однако ряд исследователей весьма скептически отнеслись к расширению опций для общения и размещения контента на площадках цифровых медиа, не находя оснований для активного включения пользователей в гражданские кампании и политические действия. Исследователи полагали, что новые медиа способствуют потерям традиционной организации активистов, поскольку обычные люди будут избегать общепринятых и проверенных форм активизма (демонстрации, сидячие забастовки, конфронтация с полицией, стратегические судебные процессы и т.д.) и будут вовлечены в «слактивистские» формы, которые могут быть более безопасными, но гораздо менее эффективными. Онлайн-активизм создает у пользователей, присоединившихся без особых усилий к сообществам в социальных сетях, иллюзию значимого влияния на мир. Таким образом формулируется ключевое положение слактивизма, который характеризуется как идеальный тип активности для пассивного поколения [Морозов 2014]. Термин «слактивизм» содержит негативную коннотацию, т.к. происходит из набора слов «бездельник» или «лентяй» (*slacker*) и «активность» (*activism*). Авторы концепции определяют слактивизм как «легкую онлайн-активность, не имеющую никакого политического или социального воздействия»¹.

По логике авторов концепции, слактивизм зиждется на принципе низких затрат на коммуникацию, что способствует легкому формированию сообществ, но не приводит к реальным гражданским действиям. Мнимая активность выражается в механическом выставлении «лайков», подписи онлайн-петиций и др., что стало проявлением «ленивой коммуникации» пользователей, даже не вникающих в содержание контента и происходящих событий. Резкое падение операционных издержек на организацию активистами гражданских кампаний открыло поле деятельности для гораздо большего числа участников. Вместе с тем традиционные и проверенные формы организации общественных акций девальвируются, поскольку граждане отдают предпочтение пассивным формам участия, которые требуют меньше усилий и более безопасны, однако их эффективность вызывает сомнение.

Критики слактивизма фактически не удовлетворены тремя аспектами актив-

¹ Morozov E. 2009. The brave new world of slacktivism. — *Foreign Policy*. URL: <https://foreignpolicy.com/2009/05/19/the-brave-new-world-of-slacktivism/> (accessed 19.03.2020).

ности в цифровой сети: это крайне низкая стоимость акции (благодаря цифровым средствам массовой информации), чисто символический аспект участия и потенциальное чувство расширения прав и возможностей человека, когда воздействие фактически близко к нулю [Van Deth 2014]. «Диванный активизм» подвергается критике на том основании, что современные гражданские кампании в социальных медиа несопоставимы с реальными действиями, сопряженными с высокими издержками и рисками участия. Платформы социальных сетей построены вокруг слабых связей, которые редко в реальности приводят к активным действиям граждан¹.

Следуя концепции slackтивизма, ряд исследователей не находят оснований, чтобы квалифицировать социальные сети в качестве ключевого триггера общественного и политического активизма. Они признают, что для значительной части россиян, особенно молодежи, социальные сети действительно являются работающей формой горизонтальной самоорганизации, самовыражения и обмена контентом. Подавляющее большинство пользователей Интернета интересуется прежде всего возможностью общения, развлечения и поиска информации, а не гражданская активность и политические акции [Петухов и др. 2014].

Концепция власти коммуникаций

Цифровые технологии коммуникации трансформируют общественные движения и коллективные действия. Онлайн-сети связи децентрализовали потоки информации, но управление ими способно создать масштаб и энергию социального движения. В концепции М. Кастельса власть зиждется на способности формировать сознание общественности посредством контроля над коммуникацией и информацией, будь то макросила государства и медиакорпораций или микросила различных организаций [Castells 2009].

Согласно М. Кастельсу, власть в современном обществе осуществляется через сети. В этих социальных и технологических условиях существуют четыре различные формы власти.

1. Сетевая власть: организованное давление активного ядра сетевого общества на граждан, не включенных в глобальные сети.

2. Сетевая мощь: институциональная сила, вытекающая из стандартов, необходимых для координации социального взаимодействия в сетях, власть осуществляется не путем исключения из сетей, а путем введения правил включения.

3. Сетевое влияние: воздействие в различных формах и контекстах одних социальных акторов на других социальных акторов; при этом процессы сетевого влияния могут быть специфичными для каждой сети.

4. Власть создателей сетей: способность программировать конкретные сети в соответствии с интересами и ценностями программистов, а также способность переключать различные сети в соответствии со стратегическими альянсами между доминирующими субъектами различных сетей.

Общественные действия в цифровом пространстве происходят через программирование и коммутацию организационных сетей. В сетевом обществе сила и противодействие имеют фундаментальное значение для воздействия на нейронные сети в человеческом разуме с помощью сетей массовой коммуникации и самосвязи. Противодействие реализуется в сетевом обществе в борьбе коммуникаторов, отражающих доминирующие интересы, за изменение программ конкретных сетей [Castells 2011].

¹ Gladwell M. 2010. Small Change. Why the Revolution Will not Be Tweeted. — *The New Yorker*. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2010/10/04/small-change-malcolm-gladwell> (accessed 18.03.2020).

Свою концепцию власти коммуникаций М. Кастельс обосновывает, рассматривая опыт резонансных событий Арабской весны в странах северной Африки, «Индигнадас» в Испании и «Оккупируй Уолл-стрит» (*OWS*), массовых протестов в Турции, Бразилии и многих других государствах. Массовые гражданские действия явили образцы современных «сетевых социальных движений», которые вовлекают в создание альтернативного центра силы посредством объединения городского пространства и киберпространства.

Концепция М. Кастельса исходит из утверждений, что «движения являются вирусными, следуя логике интернет-сетей», и «горизонтальность сетей поддерживает сотрудничество и солидарность, одновременно подрывая необходимость формального лидерства», что противоречит многим эмпирическим данным, полученным в результате сетевых исследований и анализа онлайн-коммуникаций. В этих и подобных социальных движениях, во многом отличных друг от друга, он находит общую черту: все они неразрывно связаны с созданием автономных коммуникационных сетей, поддерживаемых Интернетом и мобильной связью. М. Кастельс исследует социальные, культурные и политические корни этих новых социальных движений, изучает их инновационные формы самоорганизации, оценивает точную роль технологий в динамике движений, предлагает причины поддержки, которую они нашли в больших слоях общества, и исследует их способность вызывать политические изменения путем воздействия цифровых коммуникаций на граждан [Castells 2015].

Последователи М. Кастельса, исследуя ключевые характеристики организации гражданской и политической активности в Интернете, отмечают, что цифровые медиа могут оказывать на социальные движения как «эффекты большого размера», так и «эффекты теории 2.0». Первое относится к тому, как цифровые медиа способствуют более мощной и эффективной мобилизации. Последнее относится к тому, как доступность цифровых медиа может привести к новым формам социальных движений. Исследователи утверждают, что сеть предлагает две ключевые возможности, связанные с активизмом: резкое снижение затрат на создание, организацию и участие в акциях, а также снижение потребности в том, чтобы активисты физически были вместе для организации общих действий. Причем практика онлайн-петиций, бойкотов, кампаний по написанию писем и рассылке электронных писем показала, что чем больше эти возможности используются, тем более радикальными становятся изменения в организации и участии в гражданских акциях протеста [Earl, Kimport 2011].

Через общение с другими людьми на арене социальных сетей люди могут развить поддержку отношения к определенному движению, которая становится основой для участия. В то же время социальные сети могут помочь инициировать действия, потому что люди могут столкнуться с мобилизацией информации, призывом к действиям, настроением, поддерживающим движение, и/или другой информацией, инициирующей действия в социальных сетях.

Концепция объединяющего действия

В отличие от авторитетных исследователей-скептиков, следующих идее размывания социального капитала гражданского общества под влиянием цифровых коммуникаций, оптимисты сосредоточились на рассмотрении случаев, связанных с использованием цифровых медиа в качестве инструмента для построения и координации сетей активистов, видя в этом расширение возможностей гражданского участия.

Отдельные исследователи изучали, как активисты антикорпоративной глобализации в начале нового века используют новые цифровые технологии для координации действий, построения сетей, осуществления медиаактивизма и

физического воплощения своих новых политических идеалов. Тогда активисты использовали списки электронной почты, веб-страницы и открытое программное обеспечение для редактирования, организации и координации действий, обмена информацией и подготовки документов, отражающих общий рост цифрового сотрудничества. Цифровые платформы предоставляли возможность организации онлайн-форумов для размещения аудио-, видео- и текстовых файлов. Помимо этого, активисты также создали временные медиацентры для генерирования альтернативной информации, экспериментировали с новыми технологиями, где обменивались идеями и ресурсами. Под влиянием анархизма и одноранговой сетевой логики активисты антикорпоративной глобализации использовали цифровые технологии не только в качестве конкретных инструментов, но и для выражения альтернативных политических представлений, основанных на формирующемся сетевом идеале [Juris 2005].

Участие посредством цифровых сетевых действий является не просто заметной популярной тенденцией, но и новой формой политического участия, которая не только структурно похожа на формы офлайн-участия в том смысле, что она является самостоятельным партисипативным действием сама по себе, но и потенциально отражает другую концепцию гражданской активности [Bennett 2012]. В подходе В. Беннетта и А. Сегерберга цифровые коммуникации становятся новой, отличной от традиционной формой организации коллективных действий, что требует изменения объясняющей парадигмы исследований. Традиционные парадигмы подчеркивают важность мобилизации ресурсов, рационального принятия решений, определения затрат и выгод совместных действий. Влияние цифровых технологий подвигает к поиску новых теоретических оснований. Организационная динамика цифровых коммуникаций возникает, когда они начинают формировать сетевую структуру. Понимание вариаций крупномасштабных действий в сетях требует различения двух логик: коллективных действий, связанных с высоким уровнем организационных ресурсов и формированием общей идентичности, и соединительных действий, основанных на персонализированном обмене контентом между сетями средств массовой информации [Bennett, Segerberg 2013].

Гражданское и политическое участие опосредуются крупномасштабными персонифицированными и цифровыми действиями. Идеи и механизмы организации действий становятся более персонализированными, чем в случаях, когда действия организованы на основе идентичности, членства или идеологии социальной группы. Авторы концепции видят в сетях основу социальной и политической жизни, что значительно выигрывает от более точного изучения того, как эти сети формируются и функционируют. Цифровые медиа играют важную роль в координации, коммуникации и мобилизации гражданской активности [Bennett, Segerberg, Walker 2014].

В настоящее время после череды «революционных событий» в ряде стран среди исследователей стало преобладать мнение, что социальные медиа представляют инструментальные средства коммуникации в организации гражданских действий и политических акций. При этом в структуре организации выделяются некоторые особенности. Подавляющее большинство пользователей играют роль периферийных онлайн-участников событий (слактивисты). Они окружают небольшой эпицентр протестов, представляющих слои уменьшающейся онлайн-активности вокруг сплоченного меньшинства. Метод декомпозиции сети для изучения иерархической структуры сети доказывает, что периферийные участники имеют решающее значение для увеличения охвата протестных сообщений и создания онлайн-контента на уровнях, сопоставимых с основными участниками. Успех в максимизации числа онлайн-граждан,

охваченных протестными сообщениями, зависит от активизации критической периферии. Сила наблюдателей заключается в их количестве: их совокупный вклад в распространение сообщений протеста по величине сопоставим со вкладом основных участников. Слактивисты имеют больше шансов совершить значимые действия, они более чем вдвое активнее, чем люди, которых нельзя отнести к таковым, и их действия имеют более высокий потенциал влияния на других пользователей. Гражданская активность пользователей в цифровой среде является эффективным средством, позволяющим резко поднять потенциал социальных и политических движений [Barbera et al. 2015]. Другие исследователи, изучая влияние цифровых коммуникаций на гражданское участие в онлайн-формах, установили, что «слабые связи», возникающие в больших социальных сетях, способствуют более высокому уровню политической активности [Kahne, Bowyer 2018].

Концепция цифрового участия

По мысли ряда исследователей, политическое участие в цифровой сети и его проявления являются формой политического взаимодействия и должны быть концептуализированы, идентифицированы и измерены как единое целое [Theocharis 2015]. Политическое участие в цифровой сети может быть понято как персонализированное действие на основе сетевых медиа, которое выполняется отдельными гражданами с целью показать свою собственную мобилизацию и активировать свои социальные сети, чтобы повысить осведомленность о социальном политическом давлении для решения социальной или политической проблемы [Theocharis 2015].

Одним из положительных результатов влияния цифровых медиа на интернет-аудиторию является расширение их участия в гражданской и политической жизни. Исследователи обнаружили также тесную связь между политическими действиями в Интернете, такими как присоединение к политическим группам и подписание петиций, и политическими действиями в автономном режиме [Boulianne, Theocharis 2018]. На основе расширенной концепции политического участия выявляется большое разнообразие творческих, выразительных, индивидуализированных и цифровых форм гражданской активности. Старые и новые формы систематически интегрируются в многомерную модель политического участия, которая вписывается в общий репертуар гражданской активности. Исследователи подчеркивают необходимость изучения многочисленных форм онлайн-активности, чтобы понять тенденции развития политических коммуникаций и гражданского участия [Theocharis, Van Deth 2018]. Цифровые медиа добавили различные творческие и неполитические способы участия в социальной и политической жизни, которые не только часто образуют основу политического участия, но и, как представляется, во множестве повседневных контекстов оказываются встроенными в то, что в конечном итоге превращается в политически значимые действия.

Исследователи предлагают разграничить участие в коллективных действиях, цифровое участие и персонализированное участие в акциях. Цифровое участие относится к участию в ряде цифровых медиамероприятий в поддержку движения. Участие в персонализированных действиях относится к участию в ряде персонализированных и небольших групповых мероприятий, которые являются отличительными чертами сетевого социального движения или кампании за совместные действия. Три формы участия могут усиливать друг друга. Но, поскольку многие из персонализированных и небольших групп деятельности происходят из более широких коллективных действий, было бы разумным рассматривать коллективное участие как логически предшествующее персональ-

ному участию в действиях. Между тем недавние исследования показали, что цифровая деятельность может привести к офлайн-акциям. Поэтому теоретическая модель будет рассматривать участие в коллективных действиях и цифровое участие как предшественников индивидуального участия в действиях [Lee, Chen, Chan 2017].

Исследователи, изучая взаимосвязь между использованием социальных сетей и вовлечением в гражданское и политическое участие, пришли к заключению, что влияние использования социальных сетей на участие большее для политического выражения и меньшее для информационного использования, но масштаб этих эффектов зависит от политического контекста [Boulianne 2019]. Ряд авторов на основе метаанализа эмпирических исследований взаимосвязей и эффектов между использованием социальных сетей и вовлечением граждан установили, что цифровые коммуникации в целом имеют позитивную связь с вовлеченностью пользователей, в частности с показателями социального капитала, гражданской активности и политического участия [Skoric et al. 2016]. Социальные медиа становятся неотъемлемой частью процессов организационной коммуникации, обуславливая поведение граждан, которого было бы трудно или невозможно достичь без применения новых технологий, меняющих среду социализации, способы обмена знаниями и процессы активации гражданских действий.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финиуниверситету.

Список литературы

- Морозов Е. 2014. *Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети* (пер. с англ. И. Кригера). М.: CORPUS; АСТ. 528 с.
- Петухов В.В., Бараш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В. 2014. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия. — *Власть*. № 9. С. 11-19.
- Barbera P., Wang N., Bonneau R., Jost J.T., Nagler J., Tucker J., González-Bailón S. 2015. The Critical Periphery in the Growth of Social Protests. — *PLoS ONE*. Vol. 10. Is. 11. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0143611> (accessed 17.03.2020).
- Bennett L.W. 2012. The Personalization of Politics: Political Identity, Social Media, and Changing Patterns of Participation. — *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 644. P. 20-39.
- Bennett W.L., Segerberg A. 2013. *The Logic of Connective Action. Digital Media and the Personalization of Contentious Politics*. N.Y.: Cambridge University Press. 251 p.
- Bennett W.L., Segerberg A., Walker S. 2014. Organization in the Crowd: Peer Production in Large-scale Networked Protests. — *Information, Communication & Society*. Vol. 17. Is. 2. P. 232-260.
- Boulianne S. 2019. Revolution in the Making? Social Media Effects across the Globe. — *Information, Communication & Society*. Vol. 22. Is. 1. P. 39-54.
- Boulianne S., Theocharis Y. 2018. Young People, Digital Media, and Engagement: A Meta-Analysis of Research. — *Social Science Computer Review*. URL: <https://doi.org/10.1177/0894439318814190> (accessed 25.03.2020).
- Castells M. 2009. *Communication Power*. Oxford: Oxford University Press. 592 p.
- Castells M.A. 2011. Network Theory of Power. — *International Journal of Communication*. Vol. 5. P. 773-787.
- Castells M. 2015. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. 2nd edition. Cambridge: Polity Press. 328 p.
- Dalton R. 2008. Citizenship Norms and the Expansion of Political Participation. — *Political Studies*. Vol. 56. Is. 1. P. 76-98.

- Dalton R. 2015. *The Good Citizen: How a Younger Generation Is Reshaping American Politics*. CQ Press. 240 p.
- Earl J., Kimport K. 2011. *Digitally Enabled Social Change: Activism in the Internet Age*. Cambridge, Massachusetts; London: The MIT Press. 272 p.
- Juris J.S. 2005. The New Digital Media and Activist Networking within Anti-corporate Globalization Movements. — *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 597. P. 189-208.
- Kahne J., Bowyer B. 2018. The Political Significance of Social Media Activity and Social Networks. — *Political Communication*. Vol. 35. Is. 3. P. 470-493.
- Lee Francis L.F., Chen Hsuan-Ting, Chan M. 2017. Social Media Use and University Students' Participation in a Large-scale Protest Campaign: The Case of Hong Kong's Umbrella Movement. — *Telematics and Informatics*. Vol. 34. Is. 2. P. 457-469.
- Putnam R. 1995. Tuning in, Tuning out: The Strange Disappearance of Social Capital in America. — *PS: Political Science and Politics*. Vol. 28. Is. 4. P. 664-683.
- Putnam R. 2001. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. N.Y.: Simon & Schuster. 544 p.
- Skoric M., Zhu Q., Goh D., Pang N. 2016. Social Media and Citizen Engagement: A Meta-Analytic Review. — *New Media & Society*. Vol. 18. Is. 9. P. 1817-1839.
- Theocharis Y. 2015. The Conceptualization of Digitally Networked Participation. — *Social Media + Society*. URL: <https://doi.org/10.1177/2056305115610140> (accessed 17.03.2020).
- Theocharis Y., Van Deth J. 2018. The Continuous Expansion of Citizen Participation: A New Taxonomy. — *European Political Science Review*. Vol. 10. Is. 1. P. 139-163.
- Van Deth J.W. 2014. A Conceptual Map of Political Participation. — *Acta Politica*. Vol. 49. Is. 3. P. 349-367.
- Youngs R. 2019. *Civic Activism Unleashed: New Hope or False Dawn for Democracy?* N.Y.: Oxford University Press. 192 p.

PYRMA Roman Vasil'evich, Cand.Sci (Pol.Sci.), Associate Professor of the Department of Political Science and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125993; pyrma@mail.ru)

CONCEPTS OF CIVIL ACTIVISM IN THE DIGITAL SPACE OF COMMUNICATIONS

Abstract. The author considers the change of approaches to the analysis of social changes that occur under the influence of digital communication technologies. The article presents the basic modern concepts of civic activism manifested in the digital environment. The concept of slacktivism reflects the negative manifestations of the effects of digital technologies on civic engagement leading to the waste of social capital. The concept of communication power reveals the institutional organization of network communities and social movements that act in accordance with established rules and hierarchies. The concept of connecting action focuses on self-organization, coordination and mobilization of user's communities of digital communications to achieve shared values and interests. The concept of digital participation justifies the usefulness of online forms of civic activism, leading to increased social interaction offline. This non-exhaustive list of concepts of civic activism creates a general idea of the diversity of scientific approaches to the consideration of rapidly changing social relations mediated by digital communications.

Keywords: civic activism, digital communications, social networks, civic participation, political participation
